

А.Ю. ВЯЗИНКИН

«ДРЕЙФ И МАСТЕРСТВО»: УОЛТЕР ЛИППМАН КАК ТЕОРЕТИК ПРОГРЕССИЗМА

В статье анализируется книга американского политического теоретика Уолтера Липпмана «Дрейф и мастерство» как диагностическая и одновременно политико-философская работа, призванная теоретически ответить на исторические вызовы, с которыми столкнулись США в Прогрессивную эру. Определены общие и различные черты политического мышления Липпмана и других теоретиков американского прогрессизма. Автор показывает, что культурно-политический проект Липпмана, описывающий и защищающий ключевые положения корпоративного либерализма, был ситуативной потребностью теоретика обосновать необходимость коллективистских форм организации нового социально-экономического порядка в США после распада традиционных институтов и разложения морали обычая.

Ключевые слова: Уолтер Липпман, Прогрессивная эра, новый либерализм, корпоративный либерализм, политическая философия.

Проблемы, которые стоят перед современным глобальным миром, конечно, несравненно сложнее тех, что возникали у человечества столетие назад. Тем не менее есть у этих исторических вызовов и много актуально общего. Болезненное разложение традиций (процесс длительный, всегда открытый для ремиссии и реверсивного движения), социальное неравенство, отчаянная алчность разнузданного капитализма, нравственная деградация, неблагоприятная эпидемиологическая ситуация... Таков неполный перечень наших общих проблем с поколениями, жившими в начале прошлого века. Можно сказать, что мы выступаем преемниками, своеобразными наследниками тех же трудноразрешимых проблем, повторяющихся исторических вызовов. Но при такой постановке вопроса мы скорее констатируем свою обреченность и рискуем впасть в апатию, нежели настраиваемся на решение. Накопленный за прошедшие десятилетия опыт человечества должен сослужить нам хорошую службу – такую, чтобы мы могли назвать себя не наследниками проблем, но прилежными учениками прежних поколений, выучившими все уроки истории и готовыми к ответу на любой вызов.

Этот драгоценный опыт лучше всего усваивается, конечно, интеллектуальным классом, учеными гуманитарной направленности. Именно они способны эффективнее других аналитически подойти к тем рецептам, которые предлагали политические мыслители, ученые и теоретики прошлого. Так и наша задача состоит в том, чтобы изучить опыт преодоления культурного кризиса американских интеллектуалов и политических теоретиков Прогрессивной эры. На примере работы Уолтера Липпмана «Дрейф и мастерство» мы исследуем теоретический проект реорганизации культурно-политической жизни американского общества в соответствии с установками нового либерализма.

«Дрейф и мастерство»: круг проблем

В 1914 г., накануне Первой мировой войны, из-под пера молодого сотрудника журнала «Нью Рипаблик», талантливого политического теоретика Уолтера Липпмана вышла вторая книга под названием «Дрейф и мастерство». Если первая книга Липпмана, опубликованная годом ранее, «Предисловие к политике» представляла собой введение в новую политическую теорию, то вторая книга стала своего рода опытом научной и политико-философской диагностики общественно-политической реальности США начала века, объяснения актуальности идей прогрессизма, наброском гипотетического политико-культурного проекта реорганизации общественной жизни. «Мастерство» в данной работе выступает в качестве синонима слова «управление», понимаемого как эффективный контроль и регулирование. Речь шла о необходимости вмешательства в представление о порядке вещей, который за последние десятилетия радикально изменился, с целью приближения к социальной гармонии. Между представлением об общественной жизни и самой общественной жизнью разверзлась бездна. Ситуацию, в которой оказались США, Липпман назвал «дрейфом»: он зафиксировал опасность общественной пассивности и инертности на фоне динамично изменяющейся социально-экономической реальности. Однако эта ситуация, считал он, не безнадежна. Социальный дрейф, согласно Липпману, можно преодолеть посредством вмешательства рациональных и научных технологий управления, опирающихся на «бескорыстие, строгость и метод»¹ и привлекающих на свою сторону ресурсы государства.

Книга создавалась в особой интеллектуальной атмосфере Прогрессивной эры. Многие из тезисов Липпмана стали реакцией на результаты мощного индустриального роста и на ускорение процесса урбанизации. Экономические возможности, которые привлекли население в города, основывались на определяющем влиянии корпораций и растущем социальном и экономическом расслоении. Это, в свою очередь, повлекло за собой распад общин и традиций. Не отставал и разогнавшийся беспощадный технический прогресс. В американской мысли начала XX столетия, где доминировал философский и культурный прагматизм, все прочнее утверждалось убеждение в том, что решение социальных проблем должно быть связано с привлечением новейших достижений позитивной науки.

Технологические утопии и политические теоретики Прогрессивной эры нередко работали на одну идею – выработку максимально эффективной организации производства, позволяющей сбалансировать опасные искажения в социальной структуре американского общества и несообразности в политическом влиянии капитала и трудящегося населения. В воздухе витала уверенность в том, что американская изобретательность сможет решить любую проблему, если у нее будет достаточно

¹ Haber 1964: 55.

времени и энергии. Прогрессивистский ответ на американскую индустриализацию был исполнен прагматистского, «научного» оптимизма.

Надежды теоретиков прогрессизма были обязаны теоретически обоснованному культурному оптимизму американских философов-прагматистов – Уильяма Джеймса и Джона Дьюи. Этот оптимизм был связан с тем, какие возможности для политического, социального, экономического и культурного экспериментирования открыл разум. Прогрессисты верили, что эти эксперименты могут подкреплять друг друга, в результате чего «индивидуальная жизнь станет несравненно разнообразнее, а общественная – невообразимо свободней»².

Одной из главных угроз для движения прогрессизма, в котором со временем политическое лидерство захватила «просвещенная элита»³, признавались консервативные элементы, которые не желали примиряться с новым экономическим порядком и тем замедляли темпы развития США. Историк Ричард Хофстедтер в книге «Эра реформ» отмечал, что помимо прочего, для фермерства, на которое опирались американские популисты, были свойственны провинциализм, нативизм, антисемитизм и антиинтеллектуализм⁴. Аграрной реакции и мракобесию либеральные прогрессисты нередко противопоставляли квазирелигиозную веру в колоссальные возможности своей страны, в неперенный успех эксперимента национального самосозидания, которая восходила к идеям выдающегося поэта Уолта Уитмена и уже упоминавшегося нами философа Уильяма Джеймса⁵. Мюррей Ротбард отмечал, что интеллектуалы и активисты Прогрессивной эры, устремившиеся не иначе как к спасению мира, защищали идеи расширения полномочий федерального правительства и социального контроля с тем же «евангельским рвением», что их отцы защищали прежний порядок⁶.

В такой атмосфере и вышла книга Липпмана «Дрейф и мастерство». Она произвела самое положительное впечатление на большинство прогрессистов. Бывший президент США и лидер Прогрессивной партии оставил о книге лестный отзыв, призвав ознакомиться с ней всех тех, кто желает изучить нынешнюю социальную, промышленную и политическую жизнь с целью направить свои мысли и действия на национальное улучшение в будущем⁷.

Один из идейных вождей поколения прогрессистов, радикальный мыслитель Рэндольф Борн писал, что работа Липпмана дает, наконец, понимание того, что делать освобожденным со своей свободой, а ради написания такой книги «можно было бы продать душу»⁸.

---

² Порги 1998: 33.

³ Согрин 2010: 303.

⁴ Hofstadter 1955.

⁵ Порги 1998: 18, 32.

⁶ Rothbard 2017: 421.

⁷ Roosevelt 1914.

⁸ Kloppenberg 1986: 318.

Непростая, местами парадоксальная, но яркая книга, «Дрейф и мастерство» стала ярким событием в интеллектуальной жизни США.

Круг проблем, затронутый в работе Липпмана, весьма обширен.

Именно в этой книге Липпман окончательно избавляется от раннего влияния социалистических идей и от симпатий к творчеству макрейкеров. Журналистика, разоблачающая коррупцию в высших эшелонах власти, с точки зрения Липпмана, не является ни реакционной, ни прогрессивной, а просто отражает недоумение общества по поводу меняющихся социальных и экономических договоренностей.

Коренные перемены в социально-экономических отношениях неизбежно должны повлечь за собой реформы в политической культуре и значительные перемены в гражданском сознании. Кризис политики *laissez faire*, по мнению Липпмана, требует пересмотра традиционных представлений американцев об экономических отношениях. Это означает, что антитрестовская политика не отвечает вполне требованиям эпохи. Напротив, управляемые монополии способны расширять сотрудничество. Управление на основе научного подхода может привести к установлению эффективного режима ведения бизнеса. Липпман лелеял надежду на то, что можно уничтожить традиционную американскую этику экономической конкуренции. Либерализм *laissez faire*, считал он как и большинство прогрессистов, исчерпал себя, ему на смену должен прийти новый уклад. Его форма – корпоративный либерализм, который следует понимать как сотрудничество между теми, кто обладает наибольшей военной мощью, и теми, кто обладает наибольшей промышленной мощью. Историк Джеффри Лустиг относит к теоретикам корпоративного либерализма целую группу мыслителей-прогрессистов, в том числе и самого Липпмана⁹.

Липпман обращает внимание на то, господство корпораций и беспрецедентное промышленное развитие сделали прежние определения собственности частью истории. Некоторые отрасли промышленности, например, угольную и нефтяную, считал он, необходимо национализировать. Крайний радикализм Липпмана выражается не столько в политической сфере, сколько в экономической. Он критикует традиционные для США идеи непреложности конкурентного капитализма и прав частной собственности как основ организации общественно-экономической жизни. Здесь экономический рационализм противопоставлен традиционализму: Липпман указывает, прежде всего, на неэффективность и расточительность рыночного уклада экономики в начале XX в. Этому направлению мысли способствовала и сама интеллектуальная атмосфера Прогрессивной эры. Экономист П.В. Усанов справедливо отмечает, что «в начале XX в. в США все основные школы экономической мысли сходились на том, что капитализм нужно чем-то заменить»¹⁰. Ричард

⁹ Lustig 1982.

¹⁰ Усанов 2018: 25.

Хофстедтер, во многом опираясь на позицию Липпмана, заметил, что именно в эпоху прогрессизма городской потребитель впервые шагнул вперед как «серьезный и самосознательный фактор американской социальной политики»¹¹. С точки зрения Липпмана, централизация бизнеса даст позитивный эффект и приведет к большей ее подотчетности потребителю. Не оставляет в стороне молодой теоретик и рабочий вопрос. Он видит ключ к решению проблемы в сильных профсоюзах, которые, с одной стороны, демократизируют промышленность, а с другой, способны гарантировать защиту рабочих от тиранического капитализма. Источником новых средств прогресса станет, по мнению Липпмана, влияние на бизнес интересов работника, потребителя и правительства. Новый менеджмент позволит организовать экономику так, что капиталист сосредоточится на эффективности промышленного производства, например, за счет сокращения отходов или наращивания сотрудничества.

Что касается политической направленности работы, то она содержала критику популярных в американском обществе политиков – популиста Уильяма Дженнингса Брайана и действующего президента Вудро Вильсона и их идей, как защищающих «деревенский взгляд на жизнь»¹² и ориентирующихся на мелких собственников, что, по мнению Липпмана, было губительно для экономики в эру корпораций.

Переориентация государства с поддержания в обществе порядка *laissez faire* на заботу о малоимущих и незащищенных в правовом отношении граждан также представляла собой важную составляющую политической теории Липпмана. В этой идее социальной справедливости отчетливо звучали нотки популярного в США социализма, с которым либеральным интеллектуалам приходилось считаться. Тем не менее принять вполне социалистические идеи Липпман отказывался. Забота о человеке, а не отправление его в свободное плавание, должно стать новой задачей государства: «создание минимального уровня жизни, ниже которого ни один человек не может упасть, является самой элементарной обязанностью демократического государства»¹³. Липпман считал, что именно научно-рационалистический, опирающийся на факты, подход к решению проблемы эффективного администрирования, а вовсе не – фантазийные подчас – социалистические теории, способен выработать путь преодоления антагонизмов, возникших в американском обществе в начале XX века.

Наконец, одним из важнейших диагностических тезисов книги, который Липпман сохранит, уточнит и использует во многих последующих своих работах, было утверждение о том, что мир стал «большим» и беспрецедентно усложнился. Прежние социальные институты были способны справиться с локальными проблемами общины, но теперь они не могут решать задачи, стоящие перед «большим» современным ми-

¹¹ Hofstadter 1955: 171.

¹² Lippmann 1914: 146.

¹³ Ibid: 254.

ром. Гражданин больше не способен самостоятельно разобраться со своими проблемами, потому что они изменились количественно и качественно, и вышли из круга его компетенций. Сельский житель не может понимать экономические процессы, связанные с развитием промышленного капитала и мировой торговли, капиталист не способен понимать требований времени в связи с необходимостью принятия эффективных решений в вопросах политического управления, определения национальных интересов и т.д. А, между тем все эти сферы жизни американского общества к началу века вступили в сложноорганизованные связи. Всюду требуются специалисты узкого профиля. Именно из этого тезиса вырастает прогрессистский общественно-политический идеал Липпмана, набросанный им в работе «Дрейф и мастерство», – технократический корпоративный либерализм.

«Новый национализм» и критика политических конкурентов

Оптимистические представления Липпмана о возможностях классового примирения встретили поддержку у интеллектуалов из журнала «Нью Рипаблик», особенно у мыслителя и публициста Уолтера Уэйла¹⁴. Оба, и Липпман, и Уэйл, «переболели» социалистическими идеями и теперь пытались обосновать возможность США избежать масштабных социальных потрясений и разрушительной классовой войны за счет реурсов, накопленных страной в своей демократической истории.

Журнал «Нью Рипаблик» был основан на средства инвестиционного банкира, реформатора и филантропа Уилларда Стрэйта, мечтавшего о прогрессивной Америке и новом либерализме. Одна из задач издания – трансляция социальных и политических идей «Нового национализма» Теодора Рузвельта. Публицисты журнала отвергали «опасные» и «реакционные» идеи президента Вильсона и призывали к реорганизации американской политической социальной политики¹⁵. Достойной альтернативой они считали именно «Новый национализм».

Этой политической платформе было дано название, аналогичное названию речи бывшего президента, произнесенной в городе Осаватомии, штат Канзас, 31 августа 1910 г. Пафос речи отсылал к необходимости правительственной защиты благополучия человека. Последнее ставилось Рузвельтом выше прав собственности. Гарантировать же социальную справедливость может только сильное федеральное правительство. Концентрация промышленного производства естественна и неизбежна, поэтому исполнительные органы должны получить право контроля над бизнесом. Как и большинство прогрессистов, Рузвельт декларировал необходимость жесткого ограничения свободы предпринимательства ради защиты интересов граждан. Социальная основа политической платформы «Нового национализма» подразумевала защиту рабочих, женщин и детей от эксплуатации. В программу входили такие вопросы как социальное страхование для престарелых, безработных и ин-

¹⁴ Печатнов 1994: 36.

¹⁵ Noble 1951: 393.

валидов, закон о минимальной заработной плате для женщин, восьмичасовой рабочий день и т. д. Эта повестка позволяла сочетать идеи левых прогрессистов с интересами рабочих и федерального правительства при компромиссных взаимоотношениях последнего с крупным капиталом.

Централизация власти обосновывалась не только глубиной и актуальностью существующих социальных проблем, но и амбициями нации. Национальная солидарность важна, подчеркивал Рузвельт, потому что интересы американцев, кем бы они ни были – рабочими, промышленниками или членами правительства, – общие и они широки как сам континент¹⁶. Можно согласиться с историком Генри Коммаджером в том, что курс Рузвельта представлял собой «полнокровный американизм»¹⁷. Некоторые исследователи считают, что он, в отличие от интеллектуалов и теоретиков нового либерализма из «Нью Рипаблик», был консерватором, использующим язык прогрессистов с целью национальной мобилизации граждан Америки¹⁸, или рассматривают «Новый национализм» как вынужденную в Прогрессивную эру модификацию «гражданского национализма» – ключевой установки политической философии Рузвельта, сформировавшейся еще в 1890-х гг.¹⁹ Действительно, цели и умонастроения интеллектуалов-прогрессистов и Рузвельта не были вполне идентичными. Тем не менее Липпман отзывался об энергичном и деятельном бывшем президенте с восторгом. Он сблизился с Рузвельтом в 1913–1914 гг. и практически стал его постоянным советником²⁰.

Главным источником «Нового национализма» Рузвельта стали идеи крупного американского интеллектуала Герберта Кроули, изложенные им в работе «Обещания американской жизни», опубликованной еще в 1909 г. Кроули провозгласил историческую исчерпанность конкурентного капитализма. Промышленная революция и урбанизация коренным образом изменили характер социально-экономических отношений в США, однако оживить американскую демократию в новых условиях можно. Для этого необходимо уравновесить власть капитала сильным федеральным правительством, что означало отказ от джефферсоновской идеи децентрализации и американского индивидуализма в пользу гамильтоновских средств управления и социального контроля. В качестве одного из таких средств Кроули предлагал создание федеральных регулирующих комиссий, укомплектованных экспертами, для надзора за крупными корпоративными предприятиями. Консенсусная, красивая и лаконичная формула нового либерализма Кроули для политиков звучала следующим образом: «гамильтоновские средства должны быть использованы для достижения джефферсоновских целей»²¹. Идея социальной

¹⁶ Roosevelt 1926: 19-20.

¹⁷ Коммаджер 1979: 210.

¹⁸ Ruddy 2016: XII.

¹⁹ Gerstle 1999: 1303.

²⁰ Печатнов 1994: 38-39.

²¹ Forcey 1961: 50.

ответственности, изложенная в книге, дополнялась ярко выраженным национализмом. Демократия понималась Кроули как национальный идеал американцев. Образцом политического лидера для него был Авраам Линкольн, творец и защитник гражданского национализма. Сам же национализм должен был стать скрепляющей идеей, которая позволила бы мобилизовать американцев на масштабные перестроения в общественной, политической и экономической жизни. Однако в работе Кроули национализм принимает скорее культурную форму, чем милитаристскую, на которую делал ставку Рузвельт²².

Прогрессистские идеи Кроули нередко подвергались критике как авторитарные, антидемократические. Действительно, новый либерализм, по Кроули, должен был организовать систему, в которой политические лидеры действовали бы решительно. Их действия должны быть направлены на формирование объединяющего чувства общности, на организацию «человеческого братства». Полковник Рузвельт, по мнению Кроули, в большей степени, чем другие был способен на это. Однако прежние демократические процедуры не могли способствовать формированию такой политической системы²³.

Для молодого Липпмана Кроули, который был старше на двадцать лет, – авторитетный политический философ, самый интересный и актуальный из интеллектуалов-прогрессистов. Неудивительно, что в работе молодого теоретика затрагивались те же темы, а проблемы часто решались в том же ключе, что и в «Обещаниях американской жизни».

Критические замечания в книге «Дрейф и мастерство» были направлены против политических соперников Рузвельта и антагонистов его идейно-политической платформы «Нового национализма». Политические идеи Брайана и Вильсона были названы Липпманом «деревенским взглядом на жизнь»²⁴. В условиях начала XX в., когда индустриализация достигла таких масштабов, «деревенское» мышление для прогрессистов было немыслимо. Политики должны были учитывать масштабные изменения в экономике и соотносить свои политические программы с новым влиянием бизнеса, промышленных корпораций. По мнению Липпмана, США уже вышли из эры «простой жизни прерий», когда мелкие торговцы и фермеры задавали тон в американской экономике.

Липпман писал о популистской платформе Брайана в связи с его знаменитой речью «Золотой крест»: «Он думал, что он борется с плутократией: на самом деле он боролся с чем-то гораздо более глубоким, чем это; он боролся с увеличением масштаба человеческой жизни»²⁵. Новый экономический порядок, пришедший вместе с индустриальным миром, разрушил дорогую Брайану Америку прошлого, расстроил частные амбиции и установил безличные отношения. С точки зрения Липпмана,

²² Ibid: 23.

²³ Nichols 1987: 35.

²⁴ Lippmann 1914: 146.

²⁵ Ibid: 129.

Брайан был выражением того, чем была Америка и чем она больше не является. Он – защитник народной традиции, которая уже разрушена новым экономическим порядком. Липпман признает, что у Брайана есть свои достоинства, но они принадлежат прошлому, как все его привычки и идеи. Брайан – Дон Кихот американской политики, потому что действует в мире, которого больше не существует²⁶. Липпман видел в Брайане, обычно аттестуемого в качестве радикала и левого популиста, бескомпромиссного консерватора, который непреклонно, хотя и тщетно, стоит на пути стремительно развивающейся Америки.

Действующий президент Вильсон и его политическая программа «Новая свобода» – гораздо более опасный соперник нового либерализма. С точки зрения Липпмана, «Новая свобода» подразумевает помощь правительства представителям малого бизнеса и фермерам в их борьбе с более масштабными промышленными организациями²⁷. Вильсон искал политическую опору в классе мелких собственников, поэтому заинтересован в сохранении конкурентной экономики свободного предпринимательства. Липпман считал, что это не решает проблемы «дрейфа», потому что «Новая свобода» это свобода мелкого коммерсанта, но не свобода для нации от «плохих стимулов, ограниченности мелкой конкуренции»²⁸. Липпман времен «Дрейфа и мастерства» видел Брайана и Вильсона людьми отсталыми, антитехнократичными аутсайдерами. От молодого и энергичного поколения, к которому и сам принадлежал, он ожидал большего, чем просто быть хозяевами мелких предприятий²⁹. Реализованные идеи Брайана и Вильсона смогут «отклонить дрейф», но не смогут стать доминирующими в развивающейся экономике. Америка будущего должна преодолеть «ограниченные» взгляды тех, кто хочет возвратиться к экономическому укладу прошлого. Для этого ей следует опереться на более современную стратегию развития, которую и предлагает новый либерализм. Липпман, подобно Кроули, возлагал надежды на сильное федеральное правительство, которое, регулируя экономическую эксплуатацию, гарантировало бы социальную справедливость и общественное благосостояние³⁰.

Освобождение от традиции: «дрейф» и его преодоление

Реформаторская смелость прогрессистов определялась совокупностью разрушительных тенденций, имевших место на рубеже веков. Промышленная революция, повлекшая за собой необратимые изменения в социальной, политической и культурной сферах жизни общества, по существу, разрушила вековые устои и расчистила путь для новых начинаний. Сам Липпман, в работе «Предисловие к политике» борющийся с традиционалистским мировоззрением, год спустя убеждал сво-

²⁶ Ibid: 130.

²⁷ Ibid: 136.

²⁸ Ibid: 137.

²⁹ Ibid: 141.

³⁰ Kim 2013: 249.

их читателей, что «скала времен» разрушена, а некогда непреложные истины – святость собственности, патриархальная семья, наследственная каста и повиновение авторитету – превратились в фикции³¹. Освобождение от традиционалистской модели мышления, от влияния некоторых традиционных институтов власти породило среди молодых интеллектуалов огромный энтузиазм. Находящиеся под влиянием философии прагматизма, творческого интуитивизма, дерзкого нищезанятия и пронизательного фрейдизма, они искали возможность соединить идеалы новой свободы с идеей социальной справедливости. В работе «Дрейф и мастерство» Липпман соединил эту надежду с культом своеобразной научности и «поэзией смысла», насколько это было возможно.

Идея новой свободы отталкивалась от тезиса о том, что люди, по преимуществу, избегают ответственности, не стремятся к самоуправлению и склонны надеяться на опекуна³². В условиях, когда люди освобождены от власти традиции, считал Липпман, они должны, наконец, обратиться к принципам самоуправления. В противном случае, «дрейф» никогда не прекратится. Америка начала века, считал теоретик, освобождена от прежней упорядоченности мира и теперь «дрейфует». «Дрейф», согласно Липпману, – проблема, прежде всего, культурная, она свидетельствует о слабости национального духа, неспособного адекватно реагировать на масштабные перемены в социальной и экономической жизни. Наступил тот исторический момент, когда американцы, лишённые прежней прочной опоры, могут и должны полагаться только на самих себя: «Именно с эмансипации начинаются реальные задачи, и свобода – это проблема поиска, поскольку она лишает опеки хозяина и утешения священника»³³. Революционный разрыв с обычаем и традицией мог травмировать нацию. Предки, писал Липпман, знали путь своей жизни «от рождения через всю вечность», современный же человек лишен этих непреложных и надежных жизненных маршрутов. Поэтому реальная задача интеллектуалов заключалась в том, чтобы придать позитивный импульс новому движению – «свободному плаванию» американской нации в океане истории, задать ему новые ориентиры и снабдить нацию оптимистической верой в свои силы в этой непростой, но многообещающей исторической ситуации.

Итак, по мнению Липпмана, одного героического преодоления сковывающих развитие американского общества традиций недостаточно. Новая реальность порождает новые проблемы. Разнообразие социальной жизни в такой ситуации неизбежно приводит к сложной организации общества, поэтому любая теория политического управления должна стремиться к рациональному уточнению целей. Интеллектуалы, как новая технократическая элита, должны быть в авангарде борьбы с «хаосом жизни», воцарившимся после освобождения от традиции.

³¹ Lippmann 1914: XVII.

³² Ibid: 189.

³³ Ibid: 196-197.

Опасность заключается, в первую очередь, в вероятности того, что нация не сможет перестроиться и упустит исторический шанс бурного развития и процветания. Главная угроза, по мнению Липпмана, таилась в возможной пассивности всех классов американского общества, которые станут цепляться за отжившие идеалы и потому не будут способны решать те проблемы, которые поставит перед ними тотальная модернизация. В этот переходный период «дрейфа» он возлагает ответственность за будущее нации на молодых и энергичных интеллектуалов, которые должны убедить политиков и население в необходимости выработки новых подходов к управлению страной. Переходный период, таким образом, ставит перед интеллектуалами задачу нахождения формулы стабильности и баланса в отсутствие порядка, основанного на традиции. Его решение – это использование научного ресурса в теории политического управления. Он призывает к экспериментальному предпринятию, которое позволит трансформировать «дрейф» в «мастерство». Экспериментальный проект призван рационально осмысливать проблемы для эффективного направления интеллектуальной мысли. Этой страстью к эксперименту Липпман, очевидно, «заразился» от Фридриха Ницше, сочинения которого активно штудировал в те годы³⁴.

Липпман не искал нового политического или культурного проекта реорганизации уклада американской жизни, требующего религиозного или квази-религиозного поклонения. Проект, о котором писал теоретик, вовсе не должен был стать догматической теорией управления, политическим открытием или идеалом, к которому следует стремиться вопреки разумным доводам, но только научной гипотезой: и «если эта гипотеза честная и живая, она немного осветит наш хаос». Липпман уравновешивает свой технократический оптимизм рациональным подходом, указывая на то, что из будущего действительно существует только наша мечта, а из прошлого – только наша память. Он утверждал, что подлинное творчество человек может и должен проявить только в разворачивающемся настоящем³⁵, и призывал быть смелее в экспериментировании. Ошибка в этом предприятии, с точки зрения Липпмана, имеет небольшое значение, потому что «мир не хрупок, а эластичен»³⁷.

«Мастерство»: демократия и коллективизм

Хотя Липпман не предложил никакого конкретного проекта, а только обозначил основные положения, на которых он должен основываться, тем не менее можно констатировать, что его гипотеза (или гипотетический проект) имела ярко выраженную космополитическую акцентуацию. Гипотетический проект в исторической перспективе должен был стереть расовые и национальные различия, установив «трансперсональный порядок», основанный на культуре всеобщего сотрудничества. Теоретик предполагал, что общая дисциплина станет той культурной

³⁴ Печатнов 1994: 28, 30; Steel 1999: 47.

³⁵ Lippmann 1914: XXII- XXIII.

³⁷ Ibid: 249.

силой, что объединит цивилизации и направит энергию людей со всей планеты, вне зависимости от их классовой, этнической, культурной и половой принадлежности, на созидательные цели.

Как уже было сказано, Липпман считал, что построение нового порядка должно опираться на современную науку, как на особый и максимально эффективный тип рациональности. Вместе с тем, теоретик с сарказмом отмечал, что речь идет не о той косной науке, которая утверждает, что «поцелуи негигиеничны», а «любовь – это разновидность безумия», но о типе учености, позволяющем человечеству открывать новые горизонты творческого мирозерцания³⁸.

«Критический дискурс» и «наука», в понимании Липпмана, это термины одного порядка. Он рассчитывал на творческую ученость, как на главный ресурс обновления мира. Поэтому и его норматив ученого – это не догматик, выступающий с единственно верными теориями, но прагматик, гибкий профессионал, который всегда готов модифицировать свои гипотезы, чтобы участвовать в совместном эксперименте по реорганизации общественной жизни. «Научный дух» в конкретном понимании Липпмана и есть аналог «мастерства»³⁹. Наука выступает у Липпмана как дисциплина, противостоящая «анархии отдельных темпераментов»⁴⁰. Она позволяет преодолеть «дрейф», т.е. экономический и социальный хаос, и выстроить международный порядок.

Наука, в понимании Липпмана, есть дисциплина демократии, которая не дает последней развоплотиться в анархию. Понимая, что источником анархических импульсов может являться само мировое многообразие, Липпман, тем не менее, не утверждал, что все необходимо привести к общему знаменателю. Напротив, он приветствовал существующий плюрализм, как отражение самой сложности организации мира. Созидание же порядка в данном случае требует коллективных творческих усилий, т.е. торжество демократического принципа, по Липпману, возможно при творческом соучастии классов и народов в организации внутрисударственных и международных отношений. Лидерство же в этом движении принимают на себя ученые, то есть гибкие профессионалы, способные решительно и эффективно реагировать на исторические вызовы.

По существу, в гипотетическом проекте Липпмана все навязчивые идеи американского прогрессизма, ориентированного на контроль и организацию экономики федеральным правительством, сочетались с его личным стремлением не утратить в новом корпоративизме демократических свобод. Его замысел – баланс эффективной функциональной организации и свободы выбора, фантазии. Липпман уповал на гибкость этой организации, но каковы должны быть механизмы ее реализации, он так и не сумел сформулировать.

³⁸ Hollinger 1977: 468-469.

³⁹ Kim 2013: 260.

⁴⁰ Lippmann 1914: 285.

Коллективистские акценты гипотетического проекта Липпмана стали следствием его увлечения наукоцентричной и технократичной моделью государственного управления экономикой. Эти устремления незамедлительно подверглись критике и были аттестованы некоторыми идейными противниками как «диктатура экспертов». Но наибольшее недовольство вызывало его пренебрежение классическим и ставшим традиционным для американского образа жизни культом самодостаточного индивидуализма. То, что Липпман и его коллеги, интеллектуалы-прогрессисты предлагали взамен, а именно идея коллективной идентичности как стимул совместного участия в развитии общества, напоминало оппонентам апологетику государственного социализма.

Липпман и сам понимал слабые стороны своей гипотезы. И на страницах его работы «Дрейф и мастерство» есть попытки превентивной реакции на возможную критику. Так, он утверждал, что его проектирование политической администрации в составе узких специалистов и интеллектуалов является не проявлением «диктатуры экспертов», а есть чаяние «научной цивилизации». То есть его надежды на то, что технократы справятся с любыми проблемами, которые ставит перед США исторический момент, явно перевешивали необходимость аргументированно объяснить, кто гарантирует отсутствие злоупотреблений со стороны элиты экспертов. Критиков же как раз интересовало последнее.

Липпман считал, что авторитетная и взвешенная деятельность элиты экспертов позволит избежать анархических тенденций децентрализованного управления, с одной стороны, и авторитарного режима, с другой. «Всесильный правитель», писал теоретик, не может управлять сложно организованным миром⁴¹. Хорошо осознавал Липпман и сложность обретения баланса между коллективизмом и индивидуальной свободой личности; он задавался вопросом о том, как будет «совмещаться народный контроль с административной властью?»⁴². Тем не менее Липпман не решил этих вопросов даже теоретически, компенсировав возникшие пробелы оптимистическими интонациями нового подхода к организации жизни на научных основаниях. Научно организованная демократия, считал он, дисциплинирует нацию и в то же время свидетельствует о широте кругозора свободного человека⁴³. И то, и другое, утверждал Липпман, поможет уйти от «дрейфа».

Предпринятая Липпманом попытка теоретически примирить скрытую напряженность между «идеалами самоуправления и тенденцией к централизации власти»⁴⁴, на наш взгляд была неудачной. Она осталась скорее философской надеждой, чем научно обоснованным проектом политической реорганизации общества, готовым к реализации. Экспериментальный характер коллективизма должен был, по

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid: 62.

⁴³ Ibid: 276.

⁴⁴ Kim 2013: 262.

мысли Липпмана, сделать его более демократичным. Возможно кое-какие аспекты его теории, изложенные в «Дрейфе и мастерстве», некоторые государства и общества опробовали на себе за минувшую сотню с лишним лет, но, очевидно, что на одном технократическом энтузиазме выйти из круговорота кризиса и подъема невозможно.

Заключение

Работа Липпмана «Дрейф и мастерство» во многом отражала типичные для американского прогрессизма идеи. Идея поиска социальной гармонии в индустриальном обществе, ориентация на корпоративный либерализм и расширение власти федерального правительства, стремление преодолеть устаревшие элементы рыночной экономики, «деревенского» мышления фермеров, мелких предпринимателей и их политических защитников – все это объединяло искания Липпмана с теориями таких прогрессистов как Герберт Кроули, Уолтер Уэйл, Рэндольф Борн и т.д. С другой стороны, идеи, изложенные в работе «Дрейф и мастерство», отличали творческий подход Липпмана, его попытку объединить в гипотетическом политико-культурном проекте реорганизации общественной жизни все новейшие достижения философской и научной мысли. В книге удачно сочетаются поиски политического мыслителя, амбиции творческого интеллектуала и энергия молодого и яркого публициста. Элегантный стиль, блестящие метафоры, афористическая манера – все вместе это, с одной стороны, лишало работу строгости академизма (на которую Липпман, впрочем, не претендовал), а с другой, соответствовало авторскому идеалу «творческой учености», что делало книгу привлекательной в среде политиков, интеллектуалов и богемы. Веса этой работе добавляет и то обстоятельство, что автор в свои двадцать пять лет стал одним из ближайших советников бывшего президента Теодора Рузвельта.

Тем не менее уязвимых мест в гипотетическом проекте реорганизации общественной жизни Липпмана было множество. По существу, как и другие теоретики нового либерализма, Липпман выступал в работе «Дрейф и мастерство» с бескомпромиссно антитрадиционалистских позиций. Пытаясь снизить уровень разрушительности своих взглядов, он утверждал, что традиции уже разрушена, и теперь страна и нация отправляются в «свободное плавание». Чтобы не погибнуть в штормах истории, Липпман предложил американцам коллективистские формы солидарной организации общества, что предполагает подчинение принципа прав собственности принципу прав личности и неизбежно приведет к разрыву с традиционным для США экономическим индивидуализмом. Черты корпоративизма и коммунитаризма, свойственные проекту Липпмана, в теории должны были быть сглажены неизбежностью идеи свободы личности и основополагающих принципов демократии. Но все это скорее декларировано, чем обосновано, продумано и подготовлено к реализации на практике.

Немало вопросов у современников вызывал и пока еще робко, но вполне ясно проявившийся в работе Липпмана технократический элитизм. Опасения критиков по поводу установления «диктатуры экспертов» были оправданы на историческом фоне все более радикализирующихся политических теорий – и левых, и правых – в начале XX века. Элитизм и укрепление федеральной власти рассматривались недоброжелателями нового либерализма как отход от классических индивидуальных свобод либеральной философии и постепенный переход к практике авторитаризма.

Со временем Липпман пересмотрит свои взгляды. В 1930-е годы он будет выступать против усиления роли федерального правительства при Франклине Делано Рузвельте. Его обновленные взгляды будут одобрены такими авторитетными защитниками рыночной экономики как Людвиг фон Мизес и Фридрих Август фон Хайек, и лягут в основу философии неолиберализма. А вот элитистские идеи экспертократии найдут свое продолжение в новых работах Липпмана.

Так или иначе, идейное наследие политического мыслителя и публициста Уолтера Липпмана заслуживает более пристального внимания со стороны отечественных исследователей. Его труды представляют собой неисчерпаемый ресурс нередко устаревших, но исторически значимых, а также вновь актуальных политических идей и теорий.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Коммаджер Г.С. Мечта о реформе // Литературная история Соединенных Штатов: в 3 т. М.: Прогресс, 1979. Т. III. С. 203-216. [Kommadzher G.S. Mechta o reforme // Literaturnaja istorija Soedinennyh Shtatov: v 3 t. M.: Progress, 1979. T. III. S. 203-216.]
- Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М.: Международные отношения, 1994. 336 с. [Pechatnov V.O. Uolter Lippman i puti Ameriki. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1994. 336 s.]
- Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 127 с. [Rorti R. Obretaja nashu stranu: politika levyh v Amerike XX veka. M.: Dom intellektual'noj knigi, 1998. 127 s.]
- Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с. [Sogrin V.V. Istoricheskij opyt USA. M.: Nauka, 2010. 581 s.]
- Усанов П.В. Позолоченный век и Прогрессивная эра в США: уроки для современности: Препринт М-63/18. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 48 с. [Usanov P.V. Pozolochennyj vek i Progressivnaja jera v USA: uroki dlja sovremennosti: Preprint M-63/18. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. 48 s.]
- Forcey Ch. The Crossroads of Liberalism: Croly, Weyl, Lippmann, and the Progressive Era, 1900-1925. New York: Oxford University Press, 1961. xix, 358 p.
- Gerstle G. Theodore Roosevelt and the Divided Character of American Nationalism // The Journal of American History, 86(3), 1999. P. 1280-1307.
- Haber S. Efficiency and Uplift: Scientific Management in the Progressive Era, 1890-1920. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1964. xiv, 181 p.
- Hofstadter R. The Age of Reform: from Bryan to F.D.R. N.Y.: Vintage Books, 1955. 328 p.
- Hollinger D.A. Science and Anarchy: Walter Lippmann's Drift and Mastery // American Quarterly, Vol. 29, No. 5, Special Issue: Reassessing Twentieth Century, 1977. P. 463-475.
- Kim I. From Revolt to Order: The Career of Walter Lippmann's Progressivism, 1913-1914 // American Studies 36(1), June 2013. P. 227-265.
- Kloppenberг J.T. Uncertain Victory: Social Democracy and Progressivism in European and American Thought, 1870-1920. Oxford University Press, 1986. 560 p.

- Lippmann W. *Drift and Mastery: An Attempt to Diagnose the Current Unrest*. New York: Mitchell Kinnerley, 1914. xxvi, 336 p.
- Lustig J.R. *Corporate Liberalism: The Origins of Modern American Political Theory, 1890-1920*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1982. xiii, 357 p.
- Nichols D.K. *The Promise of Progressivism: Herbert Croly and the Progressive Rejection of Individual Rights* // *Publius: The Journal of Federalism*, 17(2), 1987. P. 27-39.
- Noble D.W. *The New Republic and the Idea of Progress, 1914-1920* // *The Mississippi Valley Historical Review*, 38(3), 1951. P. 388-400.
- Roosevelt T. *Two Noteworthy Books on Democracy* // *Outlook*, 108. Nov. 18, 1914. P. 648-651.
- Roosevelt T. *The Works of Theodore Roosevelt*. Vol. XVII: *Social Justice and Popular Rule*. New York: Charles Scribner's Sons, 1926. 425 p.
- Rothbard M. *The Progressive Era*. Auburn, Ala.: Mises Institute, 2017. 602 p.
- Ruddy D. *Theodore the Great: Conservative Crusader*. Washington, DC: Regnery History, 2016. 288 p.
- Steel R. *Walter Lippmann and the American Century*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1999. 689 p.

Вязинкин Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, кафедра «История и философия» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», vyazinkin@yandex.ru

«Drift and Mastery»: Walter Lippmann as the Theorist of Progressivism

The article analyzes the book of the American political theorist Walter Lippmann «Drift and Mastery» as a diagnostic and political and philosophical work, designed theoretically to respond to the historical challenges faced by the United States in the Progressive Era. The article task is analytical identifies the common and different features of the political thinking of Lippmann and other theorists of American progressivism. The author shows that Lippmann's cultural and political project, describing and protecting the key provisions of corporate liberalism, was a situational requirement of the theorist to justify the need for collectivist forms of organizing a new socio-economic order in the United States after the collapse of traditional institutions and the decomposition of custom morality.

Keywords: *Walter Lippmann, Progressive Era, new liberalism, corporate liberalism, political philosophy.*

Viazinkin Aleksei Yurievich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, the department of History and Philosophy, Tambov State Technical University, vyazinkin@yandex.ru